

БУРЛАК.

Эх, приятель, и ты, видно, горе видал,
Коли плачешь от песни весёлой!
Нет, послушай-ка ты, что вот я испытал,
Так узнаешь о жизни тяжёлой!
Девятнадцати лет, после смерти отца,
Я остался один сиротою;
Дочь соседа любила меня, молодца,
Я женился и зажил с женою!
Словно счастье на двор мне она принесла,—
Дай Бог царство небесное бедной!—
Уж такая-то, братец, хозяйка была,
Дорожила полушкою медной!
В зимний вечер, бывало, лучину зажжёт
И прядёт себе, глаз не смыкает;
Петухи пропоют—ну, тогда отдохнёт
И приляжет; а чуть рассветает—
Уж она на ногах, поглядишь—побежит
И овцам, и коровам даст корму,
Печь истопит и снова за прялкой сидит
Или что прибирает по дому.
Летом рожь станет жать иль снопы подавать
С земли на воз,—и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «Не пора ль отдохнуть?»
—«Ничего, говорит, не устала».
Иногда ей случится обновку купить
Для утехи, так скажет: «Напрасно:
Мы без этого будем друг друга любить,
Что ты тратишься, сокол мой ясный!»
Как в раю с нею жил!.. Да не нам, верно, знать,
Где и как нас кручина застанет!
Улеглася жена в землю навеки спать...
Вспомнишь—жизнь немила тебе станет!
Вся надежда была—словно вылитый в мать,
Тёмно-русый красавец сынишка.
По складам уж псалтырь было начал читать...
Думал: «Выйдет мой в люди мальчишка!»
Да не то ему Бог на роду написал:
Заболел от чего-то весною,—
Я и бабок к нему, знахарей призывал,
И поил наговорной водою,

Обещался рублёвую свечку купить,
Пред иконою в церкви поставить,—
Не услышал Господь... И пришлось положить
Сына в гроб, на кладбище отправить...
Было горько мне, друг, в эти чёрные дни!
Опустились совсем мои руки!
Стали хлеб убирать,—в поле песни, огни,
А я сохну от горя и скуки!
Снега первого ждал: я продам, мол, вот рожь,
Справлю сани, извозничать буду,—
Вдруг, беда за бедой,—на скотину падёж...
Чай, по гроб этот год не забуду!
Кой-как зиму провёл; вижу—честь мне не та:
То на сходке иной посмеётся:
«Дескать, всякая вот что ни есть мелкота
Тоже в дело мирское суётся!»
То бранят за глаза: «Не с его-де умом
Жить в нужде: видишь, как он ленится;
Нет, по-нашему так: коли быть молодцом,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумил меня людской смех, разговор:
Видно, Бог свою помочь мне подал!
Запросилась душа на широкий простор...
Взял я паспорт; подушное отдал...
И пошёл в бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синие волны!..
Коли отдых придёт—на крутом берегу
Разведёшь огонёк в вечер тёмный,
Из товарищей песню один заведёт,
Те подхватят,—и вмиг встрепенёшься,
С головы и до ног жар и холод пойдёт,
Слёзы сдержишь—и сам тут зальёшься!
Непогода ль случится и вдруг посетит
Мою душу забытое горе—
Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
И про волю поёт на просторе;
Ретивое забьётся, и вспыхнешь огнём!
Осень, холод—не надобна шуба!
Сядешь в лодку—гуляй! Размахнёшься веслом,
Силой с бурей помериться любо!
И летишь по волнам, только брызги кругом...
Крикнешь: «Ну, теперь Божия воля!
Коли жить — будем жить, умереть—так умрём!»
И в душе словно не было горя!

И.С. Никитин (1824-1861).

Печатается по изданию 1935 года.